

Наступил конец года, и Линь Сань вместе с детьми начал готовиться к празднованию Нового года.

Первым делом — последняя генеральная уборка перед праздником. Эту задачу взял на себя Ван Яо. Линь Сань, конечно, пытался проявить инициативу и помочь, но проблема заключалась в том, что Ван Яо решительно браковал всё, что делал отец — ворчал, что тот всё делает тляп-ляп и убирает нечисто.

Впрочем, винить Линь Саня не стоило: Ван Яо оказался просто невероятным спецом в домашнем хозяйстве. Обычное подметание пола он превращал в ритуал по достижению стерильной чистоты. Получив несколько «нагоняев», Линь Сань окончательно сдался.

Он подумал: «Да и черт с тобой, комнат полно, если тебе не лень — корячься сам».

Раз уж в хозяйстве от него толку не было, Линь Сань переключился на закупку продуктов. От риса и бобового масла до кур, уток, рыбы, мяса, овощей и фруктов — он греб всё, что видел. Помимо еды и выпивки, Линь Сань заскочил в универмаг и купил каждому члену семьи по два новых комплекта одежды. Прихватил несколько праздничных парных надписей (чуньянь), а вот петарды брать не стал — Линда погибла совсем недавно, и устраивать шумную канонаду перед лицом её дочки было бы верхом бестактности.

Замороженная сабля-рыба, чищенные креветки, мясные консервы, сухофрукты, копченое мясо... Как запасливая мышь, Линь Сань каждую свободную минуту тащил что-то в дом. Довольно быстро погреб для хранения припасов заполнился под завязку.

Наконец, в этой суматошной и теплой атмосфере приготовлений, наступил канун Нового года.

Линь Сань оглядел стоявших перед ним детей. На Ван Яо был новый белоснежный свитер и синие джинсы — парень сам по себе был видным и утонченным, и светлая чистая одежда ему очень шла. Кэинь тоже была во всем новеньком, только свитер у неё был розовый, а поверх надет комбинезон.

Линь Сань, как полагается по обычаю, вручил каждому по большому красному конверту (хунбао). В конверте Ван Яо было сто юаней. В конверте Хуан Кэинь — пять юаней.

И дело не в том, что Линь Сань был предвзят и родному давал больше, а приемной меньше. Просто Кэинь была еще совсем малявкой, даже в начальную школу не пошла — ребенку такого возраста не полагается карманных денег больше пяти юаней. С Ван Яо другое дело: Линь Сань, наоборот, надеялся, что тот потратит деньги на себя, а не будет вечно экономить на каждой мелочи.

— А только детям? Мне не положено? — Братишка Лан (Чэнь Лан) состроил жалобную мину, глядя на Линь Саня. Его родители рано ушли из жизни, братьев-сестер не было, так что этот Новый год он, само собой, встречал вместе с Линь Санем.

Линь Сань, усмехнувшись, ответил:

— Назовешь папочкой — дам конверт.

Братишка Лан оказался парнем без комплексов. Он тут же выдал:

— Отец, прими же поклон от своего сына!

И застыл в поклоне.

Было ясно: пока не получит полтинник, не разогнется.

Линь Сань: «...» (Тьфу, бесстыжая рожа).

Днем тридцатого числа началась подготовка праздничного ужина. Линь Сань был бессменным шеф-поваром. С часа дня он вкалывал четыре часа кряду, и наконец на столе красовались шестнадцать изысканных блюд: свинина в соевом соусе, белая курица, тушеные куриные лапки, креветки в масле, жареная фасоль, баклажановые «сэндвичи», свинина с чесночными стрелками, цветная капуста в котелке, сердцевина капусты в кунжутном соусе, салат из медузы и многое другое. Ван Яо жаловался, что еды слишком много, но Линь Сань стоял на своем: в Новый год нужно гулять на полную катушку, еды должно быть с избытком.

— Желаю всем в новом году здоровья и чтобы всё шло как по маслу. Ну, поехали! — Дзынь!

И Чэнь Лан, и Ван Яо, и даже маленькая Кэинь — лица каждого светились яркими улыбками.

После ужина наступило время телевизора. Телевизор у Линь Саня был не абы какой, а цветной, марки «Пион» столичного производства. Ключевое слово — цветной! Такую вещь было чертовски трудно достать, Линь Саню пришлось задействовать связи Брата Ляна и выложить целых три тысячи «деревянных».

Зато эффект был потрясающий. Оба сорванца приклеились к экрану, глядя на него сияющими, жадными глазами, боясь пропустить хоть кадр.

Линь Сань: «...» (Пока не начался гала-концерт, пойду-ка достану из морозилки пару замороженных груш).

В 12 часов ночи, под бой курантов, донесшийся из телевизора, официально наступил 1990 год.

На пятый день нового года кассеты с диско-музыкой, записанные Линь Санем, официально поступили в продажу. Надо сказать, что компания «Дафэн Энтертейнмент» проявила недюжинную смелость (или же они действительно верили в успех альбома): первый тираж составил целых 200 000 экземпляров.

Стоит отметить, что в прошлом году альбом бешено популярной в Гонконге и на Тайване группы «Beyond» разошелся стартовым тиражом всего в 20 000 копий. Становилось ясно — «Дафэн» поставили на кон всё.

И реальность доказала, что они не прогадали! Альбом Линь Саня взорвал рынок!!!!

До какой степени? До такой, что сейчас во всех ночных клубах Жунчэна крутили песни только с этой кассеты. В торговых центрах, на радио — везде гремели эти взрывные ритмы. Очарование диско заключалось в безумии, свободе, драйве и жажде жизни. Старшее поколение ворчал, что это просто шум, но для молодежи, вечно гонящейся за модой, диско стало настоящим откровением.

Продажи альбома зашкаливали.

Линь Сань, само собой, тоже сорвал солидный куш.

Согласно договору, за первый тираж он получил ровно 150 тысяч юаней. И это было только начало: продажи росли, а на подходе был второй альбом, так что Линь Сань определенно должен был получить еще больше.

Когда деньги оказались на руках, у Линь Саня на душе стало спокойнее, и в марте следующего года, когда погода наконец начала теплеть, он решил отправиться в путь.

Формально — «развезаться», но на деле главной целью было повидать детей. Да, тех самых легендарных «третьего» и «четвертого», которых дед увез в деревню.

— А-Яо и Кэинь временно оставляю на твое попечение, — сказал Линь Сань Братишке Лану.

Ван Яо был уже парнем взрослым, да и самостоятельности ему было не занимать, за него Линь Сань не переживал. А вот Кэинь... Малышка сейчас ходила в подготовительный класс, и её нужно было каждое утро отводить и каждый вечер забирать — та еще морока.

Братишка Лан согласился без лишних слов.

Дав детям еще пару наставлений, Линь Сань подхватил кожаную сумку и тронулся в путь.

— Ты ведь вернешься? — в момент расставания Ван Яо, опустив голову, тихо задал этот вопрос.

Линь Сань, услышав это, протянул руку и крепко взъерошил ему волосы:

— Конечно.

Поезд, мерно постукивая колесами, повез его навстречу цели.

Проведя в дороге двое суток и сменив кучу пересадок, Линь Сань наконец добрался до места — деревни под названием Сямагоу. Он спрыгнул с попутного мотоблока, поблагодарил земляка и зашагал к восточному краю деревни. Наконец — вот оно.

— Есть кто? Это дом Чэнь Шуйню? — прокричал Линь Сань у ворот, вытягивая шею.

Вскоре дверь дома распахнулась, и вышел пожилой мужчина, накинув на плечи куртку. Глядя на Линь Саня, он нахмурился:

— Я Чэнь Шуйню. А ты кто такой?..

— Пап, это же я! — не дав старику договорить, Линь Сань принялся тыкать пальцем себе в нос.
— Присмотрись, это я, Линь Сань!

В отличие от Ван Сюэмэй, с которой они даже не расписывались, и в отличие от Го Пинпин, жизнь с которой была сплошным скандалом, третья жена оригинала, Чэнь Цяочжэнь, была девушкой доброй, красивой и простой. Она обладала золотым сердцем и прощала оригиналу многие его недостатки. Когда они сошлись, жили душа в душу. Проще говоря — у них была настоящая любовь.

Жаль только, небеса оказались слепы: Чэнь Цяочжэнь умерла от сильного послеродового кровотечения.

Старик, услышав имя, так и подпрыгнул. Он вытаращил глаза и очень внимательно всматривался в гостя. И правда — узнал. Лицо старика тут же изменилось: это не был гнев или радость, скорее — смесь вины и крайнего смущения.

Старик пригласил Линь Саня в дом и сразу перешел к делу:

— Зачем пожаловал?

— Да за чем же еще, — ответил Линь Сань. — Детей повидать. Пап, как там Сяо Вэнь и Сяо У? Всё ли с ними хорошо?

При этих словах по морщинистому лицу старика пробежала тень, он то бледнел, то краснел.

Пока Линь Сань гадал, не собирается ли старик выкинуть какой-нибудь фортель, тот вдруг произнес:

— погоди. Дети сейчас у моего младшего сына, он с невесткой за ними присматривает. Пойду приведу.

Сказав это, Чэнь Шуйню ушел, не оглядываясь. Минут через пятнадцать у входа послышался шум. Старик вошел, ведя за руку крепкого, бойкого мальчишку. Мальцу было лет шесть-семь. Волосы подстрижены, ногти чистые, одежда и обувь в полном порядке — щечки розовые, сразу видно, что за ребенком ухаживают как следует.

— Это Сяо Вэнь, — вздохнул старик Чэнь. И прежде чем Линь Сань успел что-то сказать, он выпалил шокирующее известие: — А Сяо У... когда ему было четыре, он потерялся.

Честно говоря, Линь Сань просчитывал тысячи вариантов, но к такому повороту готов не был. Он вытаращил глаза, пребывая в полном шоке.

Линь Сань буквально подскочил со стула, дрожащим от недоверия голосом спросил:

— Как потерялся?!

— В тот год невестка повезла Сяо Вэня и Сяо У в уезд на ярмарку. Сяо Вэнь чего-то не того съел, приспичило ему в туалет, начал капризничать... — В итоге невестка закрутилась с Сяо Вэнем, а когда спохватилась — Сяо У уже и след простыл.

— Она как сумасшедшая весь день по уезду бегала, искала. Под вечер, когда сил уже не осталось, пошла в полицию заявлять.

Но толку не было. Ребенок так и не нашелся.

— Виноваты мы перед Цяочжэнь и перед тобой, — старик Чэнь вдруг тяжело рухнул перед Линь Санем на колени. — Наша это вина, всё наша...

И как Линь Сань мог их винить? Да и имел ли он на это право?

<http://bllate.org/book/16514/1501390>